

Валяжного доцента Нечайкина считали в университете старомодным из-за пальто покроя «реглан» и волнистой смоляной гривы, увенчанной чёрным беретом с сентября до июля. На пересуды доцент не обращал внимания, редко что могло его взволновать. Но сегодня произошёл именно такой случай. Получилось всё само собой, едва он случайно встретился на выходе из метро с соседкой по дому, у которой вёл курс по литературоведению; Юля была на хорошем счету, и он всегда благоволил ей. Она знала об этом. Поэтому, сказав: «Здрасьте», — и смешно сморщив остренький носик, хитро блеснув серыми глазками, Юля легко спросила:

— Ефим Леонидович, а вы бываете на катке?

Тема коньков для Нечайкина — родная, потому что в юности он увлекался ими по-настоящему, выполнил норматив первого разряда; правда, на этом достижении и остановился, а коньки, повзрослев, что называется, повесил на гвоздь.

— Давно, Юлечка, не ходил, но с тобой непременно отправился бы.

— Тогда давайте вечером сходим. Вспомните фигурное катание!

— Не было у меня ничего фигурного — сплошь тупое многоборье.

— Всё равно ведь на коньках уверенно себя чувствуете.

— Скажем так: чувствовал.

— Вот и классно! Так что пора доставать коньки. Или в прокате возьмёте?

— Без проката обойдусь... Во сколько встретимся?

— Можно в семь. Пока дойдём, пока то да сё — как раз сеанс начнётся.

Договорившись, они расстались, и Нечайкин вломился в квартиру совершенно шальным, едва не расплескав искры из чёрных глаз. Мама, Флора Матвеевна, хотя изрядно располнела в последние годы, стремительно появилась в прихожей и, запахнув на груди мятый халат, словно от сына действительно летели искры, отчаянно удивилась:

— Фима, что я вижу: на тебе лица нет! Что случилось, мой мальчик?

Ответил Ефим не сразу. Да и как скажешь, что собрался с девушкой на каток, решил вспомнить молодость? Он, конечно, старым себя не считал, хотя имел сына-подростка, которого жена после развода увезла куда-то в пригород. Мама придерживалась такого же мнения и чуть ли не каждую неделю приглашала малознакомых женщин, говоря при этом, чтобы Фима непременно выбрал какую-нибудь на предмет серьёзной женитьбы. И как сказать маме, что мечтает о студентке, пусть даже четвёртого или пятого курса? Ровным счётом ничего не скажешь. А ведь на их кафедре многие преподаватели женаты по нескольку раз: Эдуард Иванов, Марк Цветнов, Георгий Подоржельский. Даже Степанов Николай, говорят, подал документы на развод. А чем он, Ефим Нечайкин, хуже этого фанфарона? Взять, например, ту же Юлию. Одна из лучших на втором курсе: прилежна, любознательна и на мордашку симпатична. Из прекрасной семьи. Папа в министерстве иностранных дел служит, мама — в банке на хорошей должности. Удивительные люди, особенно Юлин папа, с которым он однажды беседовал. Пяти минут хватило, чтобы понять, какая благородная душа у этого человека. Так что в случае женитьбы на его дочери перспективы открывались бы роскошные... Ефиму захотелось поделиться сегодняшними планами с мамой, порадовать её, но как скажешь с порога? Поэтому притворно удивился:

— Мама, о чём вы? Обычное лицо — всегда от работы такое.

— А мне кажется, Фима устал!

— Ничуть. Даже вечером иду на каток.

— Опять?

— Нет, мама! Приятель попросил коньки!

— О чём ты говоришь? Какой каток в твои годы, когда о семье надо думать, о докторской? Ведь всё забросил! Уже идёшь с какой-то студенткой?

— Нет, мама, с приятелем! — ответил он спокойно и доверительно, чтобы не обидеть Флору Матвеевну, и пошёл мыть руки.

Воодушевившись предстоящей встречей, Ефим от обеда отказался, ограничился чаем с печеньем. Потом решил приготовить коньки. Пока рылся в кладовке, переложил кучу вещей. Коньки были беговыми, показались непомерно длинными и за всё цеплялись лезвиями. Проще взять напрокат, но Ефим резонно решил, что прокат ныне очень дорогой, да и грибок ногтей можно заразиться. Зато как радостно прокатиться на «ножах», вспомнить юность — прекрасное было время.

Приготовив коньки и переодевшись в спортивный костюм, Нечайкин нетерпеливо посматривал на часы, боясь опоздать. Чтобы не мёрзнуть, он вышел на улицу за две минуты до назначенного Юлей времени. Вскоре скрипнула дверь в соседнем подъезде, и вышла она: в сиреневой лёгкой куртке, белой шапочке и облегающих рейтузах, с коньками и термосом в сумке. Хочешь не хочешь — засмотришься. Но засматриваться некогда, да и неприлично.

— Пойдёмте! — сказала она.

— Да-да, непременно, — торопливо согласился Ефим и перекинул коньки через плечо, как прежде носил их; решительно попросил: — Можно твою сумку?

Они миновали почти безлюдные полутёмные дворы «сталинских» зданий, потом тоннелем, где обычно собирались хулиганы, нырнули под шоссе и железнодорожную насыпь и оказались на территории стадиона. Ефим, чуть отстав, незаметно косился на Юлю, представляя, как, взявшись за руку, будет кататься с ней, говорить что-нибудь приятное, а когда будут возвращаться — непременно пригласит на чай. Даже не верилось, что всё это может произойти сегодня, и для этого и делать-то ничего не надо

особенного: всего-то сходить на каток, как в старые добрые времена, ну и немного потратиться на билеты.

В раздевалке они убрали куртки и обувь в шкафчики и, находясь в прекрасном настроении, вышли по резиновому коврику на лёд. А на льду вольготно расплескалась музыка, всё залито светом, от тесноты и улыбок приятно рябит в глазах. А воздух, воздух-то какой: морозный, сухой, звонкий!

— Покатили! — не сдержав озорного настроения, выкрикнула Юля и сразу же умчалась.

Ефим же, казавшийся толстым из-за цигейковой безрукавки, надетой под свитер по настоянию Флоры Матвеевны, сразу отстал, опасаясь кого-нибудь зацепить длинными коньками. Не имея возможности привычно разогнаться, едва переступая, катился следом неуклюже по сравнению с другими и пожалел, что не взял в прокате обычные коньки, называемые в детстве «гагами». Уж на что, помнится, были удобными, особенно для хоккея. Но Флоре Матвеевне очень не нравился хоккей, и она убедила Фиму перейти в конькобежную секцию... И вот теперь все смотрели на Фимины обшарпанные ботинки и растрёпанные шнурки в узлах, на «ножи»-длинномеры, чёрный берет и ухмылялись, а ему ничего не оставалось, как делать вид, что ничего и никого не замечает, хотя видел, как Юля уехала далеко вперёд, как, почти сделав круг, оказалась рядом с парнем в красном свитере.

Если бы Ефим мог услышать, о чём они говорят, то сразу расстроился бы, хотя Юля лишь спросила у парня, показавшегося Ефиму знакомым:

— Успел в больницу?

— Успел, успел — отец привет передаёт!

Они поцеловались и, взявшись за руки, влились в общее круговое движение, затягивающее, казалось, безвозвратно. Когда проезжали мимо, Ефим окликнул Юлю, даже слегка махнул ей, чтобы напомнить о себе, но она не отозвалась, а он вдруг понял, что более не нужен ей, что она, оказывается, шла на свидание, используя преподавателя лишь только для того, чтобы безопасно дойти до катка.

Через два круга Юля всё-таки соизволила подъехать, но лучше бы не останавливалась, потому что на неё, улыбающуюся, он теперь не мог спокойно смотреть.

— Вот, познакомьтесь, Ефим Леонидович! — указала она на парня.— Мой друг Алёша. Учится на третьем курсе в нашем университете.

Нечайкин пожал горячую руку, взглянул на розовощёкого Алексея, его непокрытую голову и почувствовал, как самого затрясло. Но виду не показал, даже высказался потечески:

— Мы немного знакомы... Очень рад! Вперёд, молодёжь!

Когда они упорхнули, Ефим окончательно расстроился от Юлиного предательства и не хотел более смотреть в её сторону. Когда же она вновь равнодушно проехала, то ему, совсем пристыжённому, ничего не оставалось, как потихому исчезнуть с катка.

Переодевшись, он еле-еле брёл на ватных ногах, не желая более видеть счастливо улыбающиеся лица, не желая слышать назойливую музыку — ничего теперь не радовало и ничего не хотелось. Он лишь мечтал поскорее попасть к маме и сказать, что в очередной раз она оказалась права. Проходя мимо мусорного бака, Ефим сорвал с плеча неуклюжие коньки и в сердцах швырнул их в гулкое нутро, твёрдо решив, что с коньками расстался навсегда. И сразу на душе полегчало. Но ещё легче стало, когда вспомнил, что скоро сессия... «Вот тогда посмотрим, дорогие Юля и Алёша, как вы будете улыбаться!» — согреваясь, даже закипая от радости, представил он, и ноги в этот момент налились силой, сделались невероятно крепкими и сами собой понесли домой.

Лишь на минутку он задержался у подъезда, вновь подумав о Юле. Ведь она, в сущности, ни при чём. Это всё вероломный её дружок. Вот кого наказать надо. А перед Юлиным папой будет стыдно, если вдруг она завалит сессию. «Надо как-нибудь позвонить ему и сказать, какая прекрасная у него дочка, какая она прилежная и уважительная!» — совсем уж воодушевившись, подумал Ефим и окончательно успокоился, решив ничего пока не говорить Флоре Матвеевне, чтобы раньше времени не волновать старушку.